

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Депутатская группа по связям с парламентом Японии
ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ № 6
— СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК —

*** февраль 2001 г. ***

Редколлегия Информационно-аналитического бюллетеня Депутатской группы по связям с парламентом Японии искренне благодарит известного журналиста-международника, писателя, лауреата Государственной премии СССР, автора полюбившейся многим российским и зарубежным читателям книги “Ветка сакуры” Всеволода Владимировича Овчинникова за предоставленную возможность первыми опубликовать в настоящем выпуске новую работу Мастера, написанную в последние месяцы 2000 года. Публикуется в авторской редакции.

“Ветка сакуры” тридцать лет спустя

Оглавление:

	стр.
1. Пусть вишня расцветет вновь	1
2. Жизнь на колесах в стране, не знавшей колеса	3
3. На информационной автостраде: Японии вновь приходится догонять Запад	5
4. Выживет ли “второе сословие”	7
5. Женщина в кимоно на пороге 21-го века	9
6. Почему детей начинают учить еще в материнской утробе	11
7. “Серебряный век” третьего тысячелетия	13
8. Каково жить на спине дракона	15
9. “Великие стройки эпохи застоя”	17

1. Пусть вишня расцветет вновь

Судьба порой дарит нам удивительные совпадения. Когда я вновь попал в Японию на сравнительно долгий срок, мое место жительства оказалось буквально через дорогу от снесенного ныне двухэтажного домика, где я некогда писал свою “Ветку сакуры”. Александр Твардовский опубликовал ее в “Новом мире” ровно тридцать лет назад. Книга эта многократно переиздавалась потом на многих языках, включая японский, и разошлась в пяти миллионах экземпляров.

Попытка нарисовать психологический портрет зарубежного народа, создать как бы путеводитель по его душе, показать, что наша грамматика жизни отнюдь не универсальна, что нельзя мерить другие народы на свой аршин – была новшеством для тогдашней советской журналистики. Но “Ветка сакуры” вызвала в начале 70-х годов столь широкий резонанс не только как некое открытие Японии и японцев. Читатель увидел в ней нечто большее, чем думал сказать сам автор. Эта книга была воспринята общественностью как призыв смотреть на окружающий мир без идеологических шор. Самым большим комплиментом считаю фразу, сказанную мне тогда Константином Симоновым:

– Для наших людей эта книга – такой же глоток свежего воздуха, как песни Окуджавы...

Однако именно из-за этого высокое начальство обвинило автора в “отсутствии классового подхода, в идеализации капиталистической действительности”. Причем успех “Ветки сакуры” за рубежом, прежде всего в Японии, где вышло четыре ее издания, лишь ожесточал критиков. Дескать, наши идейные противники за бугром потому и ухватились за это сочинение, что оно льет воду на их мельницу.

Были причины и на то, что именно на рубеже 70-х годов “Ветка сакуры” особенно пришлась ко двору в Японии. Это был как раз пик послевоенного экономического чуда, когда национальная самооценка стала модной темой. “Ветка сакуры” удостоилась войти в тройку лучших книг, изданных в виде сборника “Иностранцы о нас”. Горжусь, что мне довелось слышать добрые слова о ней и от таких читателей, как премьер-министры Накасонэ и Обути.

Пару лет назад после телевизионного интервью, данного мне в Токио для ОРТ, Обути сказал, что в Японии выросло новое поколение читателей “Ветки сакуры” и что текст книги пора обновить с учетом произошедших за тридцать лет перемен. Думаю, что именно это пожелание покойного премьера, а также содействие министра посольства Японии в России господина Кавато привели к тому, что я вновь оказался в Токио.

“ВЕТКА САКУРЫ” ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Всеволод Овчинников

Японский фонд – полуправительственная организация под патронажем МИДа, содействующая углублению взаимопонимания между Японией и зарубежными странами, пригласила меня в Токио на три месяца, “чтобы обновить “Ветку сакуры”, которая надолго стала бестселлером в обеих наших странах”. Так я вновь оказался в Японии, чтобы написать о том, как изменилась Страна восходящего солнца за последние три десятилетия.

И вот я снова хожу по знакомым улицам японской столицы, жадно ловлю приметы перемен. На Елисейских полях Токио – проспекте Омотэ сандо – как и прежде тусуется “золотая молодежь” – воплощение самых экстремальных черт последней моды. Обувь на копытообразных платформах, волочащиеся по земле джинсы. Не новость, что каждое новое поколение хочет одеваться иначе, чем предыдущее – как бы нелепо это ни выглядело. Поражает только, что “золотая молодежь” хочет здесь нынче соответствовать данному эпитету в буквальном смысле слова. Я имею в виду странную моду – распространенную среди юношей даже больше, чем среди девушек – красить волосы в цвет спелой ржи.

Эти рыжевато-русые японцы, чьи шевелюры вопиюще не соответствуют всем другим этническим признакам, стоят у меня перед глазами как некая метафора, как философский, но злободневный вопрос – насколько способна Страна восходящего солнца подражать западным образцам? Пожертвует ли она во имя глобализации – самого модного слова на рубеже веков – своей национальной самобытностью?

Ведь в 50-х – 80-х годах, когда послевоенное экономическое чудо выдвинуло Японию в первую тройку мировых лидеров наряду с Соединенными Штатами и Советским Союзом – японцы любили называть свою страну первым примером того, что модернизация отнюдь не обязательно означает вестернизацию, то есть не требует отказа от традиционных ценностей в пользу западных.

В отличие от Запада с его культом индивидуализма и свободы личности, японцы, как, кстати, и россияне с их соборностью, инстинктивно склонны ставить общее благо выше личных интересов. Умение играть командой, готовность проявить себя в жизни прежде всего как часть сплоченной группы – одна из главных пружин послевоенного рывка. Верность, коренящаяся в кодексе самурайской чести, чувство долга перед коллективом – стержень японского характера.

Лет десять назад излюбленной темой карикатуристов были два бегуна – тучный, задыхающийся дядя Сэм, которого обгоняет низкорослый поджарый японец. В 90-х годах роли переменялись. У американской экономики как бы открылось второе дыхание. Японская же, напротив, исчерпала благоприятные факторы, которые позволили ей после войны вырваться вперед. В 50-х – 80-х годах Япония побеждала конкурентов потому, что активно приобретала зарубежные технологии, много экспортировала, мало потребляла. В этих условиях оправдывались такие патриархальные пережитки, как система пожизненного найма, сеть постоянных поставщиков и неизменных источников финансирования.

Но на фоне массивного прорыва информационных технологий произошла глобализация экономической деятельности. А это поставило под удар групповую мораль японцев, их клановую верность как основу трудовых отношений. Анонимное общее согласие, которое японцы привыкли ставить во главу угла, не оставляет места ни для личной ответственности, ни для личной инициативы. Такой социальный консерватизм утверждал дисциплину и гармонию, поощрял усердие и обеспечивал стабильность, но блокировал продвижение новых людей и новых идей.

Вступив в век Интернета, Страна восходящего солнца почувствовала, что за свои прежние успехи она заплатила дорогую цену – групповая мораль привела к утрате автономии индивидуума, к недооценке творческой инициативы. Именно в этом, то есть в системе отношений личности и общества, кроется первопричина кризиса, сделавшего 90-е годы “потерянным десятилетием”. Рост валового внутреннего продукта снизился в 90-х в среднем до 1,7 процента, а два последних года десятилетия даже был отрицательным.

Цитируя звучащие в Токио сетования о кризисе японской экономической модели, не будем забывать, что все это – понятия относительные. Япония остается второй экономической сверхдержавой. Ее валовый внутренний продукт, то есть объем производимых в стране товаров и услуг, превышает четыре триллиона долларов.

А это половина показателя США, две Германии, три Франции или Англии, четыре Китая. По золотовалютным резервам – 344 миллиарда долларов – Япония остается мировым лидером.

Однако факт остается фактом. Японский капитал, в отличие от американского, своевременно не оценил значения информационных технологий, вместо щедрых вложений в мультимедиа увлекся спекуляциями недвижимостью и ценными бумагами, в результате чего и произошел крах “экономики мыльного пузыря”.

И вот, когда Японии приходится расплачиваться за отрицание индивидуализма, роли личной инициативы, на Западе ждут, что Страна восходящего солнца наконец сделает шаг в сторону американской модели. Действительно, вступая в 21-й век, Япония предпринимает энергичные усилия, чтобы из “царства групп” превратиться в “царство личностей”.

Однако Страна восходящего солнца, по моему убеждению, не станет подобием США даже в эпоху глобализации и информатизации. Она и прежде не раз знала радикальные перемены, но всегда мейялась по-своему, по-японски, следуя мудрым принципам борцов дзюдо – уступить натиску, чтобы

“ВЕТКА САКУРЫ” ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Всеволод Овчинников

устоять, идти на перемены, дабы остаться самим собой. Уверен, что так будет и на сей раз. Образно говоря, Япония никогда не станет русоволосой. Хотя краситься под блондинов стало нынче модой “золотой молодежи”.

2. Жизнь на колесах в стране, не знавшей колеса

Полицейские будки – самые заметные ориентиры в хаотическом лабиринте Токио. А их главная примета – бросающееся в глаза табло: “За вчерашний день из-за дорожно-транспортных происшествий в столице погибло 3, пострадало 324 человека.” Первая цифра обычно колеблется от 0 до 5, вторая от 300 до 350. За 1999 год счет жертв автомобильной войны составил в Японии 9006 убитых.

Моторизация вошла в японскую жизнь очень болезненно. Никому не пришло бы в голову плодить паровозы и вагоны раньше, чем будут проложены рельсы. А между тем с автомашинами произошло именно так. Их поток хлынул с конвейеров и уперся в бездорожье.

В 50-х годах японцы, как правило, ездили на велосипедах или ходили пешком. В 60-х, когда я работал в Японии и писал “Ветку сакуры”, больше половины уличного потока составляли трехколесные “Хонды” – своеобразные гибриды автомашины и мотоцикла. Первые “Тойоты” и “Ниссаны” были в меньшинстве, а иномарки – вовсе редкостью.

Но в 1964 году Япония по производству автомашин опередила Францию, в 1966 – Англию, в 1967 – Германию, а в 1980 – США. Она ежегодно стала выпускать более чем по 10 миллионов автомашин. Почти половина из них предназначена для экспорта. Японские марки по своей надежности и экономичности опередили как западноевропейских, так и американских конкурентов.

Для самой же Японии стремительная моторизация стала подобна стихийному бедствию. За тридцать последних лет количество автомашин увеличилось, округленно говоря, в тридцать раз. По числу зарегистрированных транспортных средств Япония вышла на второе место в мире после США – соответственно 10 и 30 процентов общего количества в мире.

Страна с отсталой дорожной сетью, узкими улицами городов и поселков оказалась обречена как бы на гипертонию, на хроническое перенапряжение транспортных артерий. В 1970 году от автодорожных катастроф погибло максимальное число людей – 16765. Последние годы эту цифру удается удерживать в пределах 10 тысяч. Но в целом три десятилетия массовой моторизации унесли около 350 тысяч жизней – в семь раз больше, чем США потеряли за годы войны во Вьетнаме.

И все таки современный японец – это человек за рулем. На 127 миллионов жителей в стране зарегистрировано 72 миллиона автомобилей, две трети из которых – легковые машины и автобусы. Количество выданных водительских прав в два с лишним раза превышает число семей.

Попадая в предельно моторизованную Японию, где бесконечные потоки автомашин на улицах без тротуаров заставляют пешеходов опасно жаться к стенам, трудно представить себе, что всего полтора столетия назад Страна восходящего солнца вовсе не ведала колеса, не имела дорог, по которым могла бы проехать даже телега. Знатные люди передвигались из города в город на носилках, воины и гонцы – верхом, а простолюдины могли путешествовать только как пешеходы.

Колеса вошли в японский обиход как часть одноосной повозки, в которую впрягался человек. Ее называли тремя иероглифами: “дзин-рики-ся”, то есть “человек – сила – повозка”. Иностранцы, которые чаще всего пользовались первым в Азии видом общественного транспорта, произносили это слово как дженерикша, а для краткости – просто рикша. Отнюдь не самое славное в истории цивилизации изобретение вскоре также появилось в Шанхае, Гонконге, Сингапуре. Бунин написал прекрасный рассказ о судьбе цейлонского рикши.

В середине века появились трехколесные велорикши или педикебы. Когда я в 50-х годах работал в Пекине, именно они были самым распространенным видом городского транспорта в китайской столице. Однако советское посольство строжайше запрещало нам садиться в педикебы, отчего прежде всего страдали наши жены, которые не могли, как польки или болгарки, самостоятельно ездить по магазинам.

В начале нынешнего столетия в полуторамиллионном Токио было около 50 тысяч рикш. Сейчас в этом городе, а также в древних столицах Киото и Нара их насчитывается примерно по дюжине. Этот экзотический транспорт используется в столь же экзотических целях: на рикшах принято доставлять на место гейш, заказанных состоятельными гостями.

Итак, жизнь на колесах стала делом народа, который всего полтора столетия назад вовсе не ведал колеса. Однако в повседневной жизни японцев, в отличие от американцев, доминирует не автомобильный, а рельсовый транспорт. Добираться на работу за рулем могут только люди очень состоятельные, имеющие шофера, или очень выносливые. Большинству это не по силам. Дело в том, что площадь улиц составляет лишь 12 процентов территории Токио – это вдвое меньше, чем в Лондоне, и втрое меньше, чем в Вашингтоне. Так что несмотря на автомобильные эстакады и многоярусные развязки в японской столице, уличное движение в часы пик превращается там в “уличное стояние”.

В первый же час после моего нынешнего прилета в Японию мы сразу же за аэропортом Нарита попали в чудовищную пробку. Пять метров едешь – двадцать секунд стоишь. Интересно было наблю-

“ВЕТКА САКУРЫ” ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Всеволод Овчинников

дать за соседями. Девушка за рулем БМВ красила ресницы. Держа в одной руке зеркальце, а в другой – кисточку, она вовсе отпустила руль и лишь педалью заставляла машину двигаться в потоке. Другие водители вели переговоры по мобильным телефонам и даже печатали на портативных компьютерах.

А ведь кроме расхода времени и сил, существует еще проблема парковки, которая далеко не всем по карману. Поэтому даже автовладельцы предпочитают ездить на работу на электричке и метро. До войны в городах жили 40 процентов японцев. Теперь их доля приближается к 90 процентам. Однако японский горожанин – это чаще всего житель пригорода, куда его вытесняет непомерная дороговизна земли. Если 30 лет назад окраины из тесно сгрудившихся двухэтажных домиков тянулись на полчаса езды от центральных районов, то теперь – на целых три часа.

Подсчитано, что 40 процентов людей, работающих в Токио, ежедневно тратят три часа, а 10 процентов – даже четыре часа, чтобы добраться на работу, а потом вернуться домой. Стало быть каждый второй труженик тратит в пути половину своего рабочего дня. Общественный транспорт Токио ежедневно перевозит 23 миллиона пассажиров, хотя население самой столицы составляет 12 миллионов человек.

Тридцать лет назад я рассказывал в своих репортажах о том, что на узловых станциях городской электрички и метро в часы пик нанимали крепких мускулами студентов, чтобы запрессовывать пассажиров в вагоны. Поезда заполнялись на 220 процентов своей официальной вместимости. Но если прежде пассажиры еле могли дышать, то теперь они умудряются даже читать прижатые к груди журналы. За 30 лет пропускная способность токийского транспорта возросла больше, нежели число пассажиров. В итоге вагоны в часы пик заполняются на 180 процентов официальной вместимости, а через 15 лет этот показатель снизится до 150 процентов – уровня Парижа и Лондона.

Однако вместо невероятной давки городской транспорт Токио поражает ныне запредельной, по нашим меркам, платой за проезд. Билет на автобус стоит 50 рублей, на кольцевую электричку с пересадкой на метро – 80 рублей, или иначе говоря два – три доллара. Столько же стоит банка пива, батон хлеба или яблоко. Но если россиянина такая дороговизна сражает наповал, то японцев она не очень волнует. Наниматели, как правило, оплачивают своему персоналу проезд. А при средней месячной зарплате в 3000 долларов сравнения с московскими ценами вообще вряд ли уместны. Об этом лишний раз напоминают длинные очереди японцев, ждущих такси. А ведь проехать на нем стоит в десять раз дороже, чем на автобусе.

Рельсовый транспорт играет в жизни современной Японии поистине незаменимую роль. И не только как самое удобное средство сообщения для обитателей непомерно разросшихся городских предместий. В Японии редко увидишь товарный поезд – острова богаты побережьем и цехи обычно строят возле причалов. Так что грузы дешевле доставлять по воде.

Но в компактной стране, где на площади чуть больше Финляндии живут 127 миллионов человек – немногим меньше, чем в необъятной России – именно поезда остаются самым предпочтительным видом междугороднего транспорта. Суперэкспрессы победили в конкуренции и с автомашиной, и с самолетом. Чем час добираться до аэропорта, час ждать и час лететь, проще и надежнее ехать поездом.

В отличие от Западной Европы и Северной Америки, японские железные дороги не приходят в упадок с ростом числа личных автомашин и развитием гражданской авиации. Это наглядно видно при сопоставлении Японии с Германией. Японская железнодорожная сеть имеет общую протяженность 27 тысяч километров, германская – 41 тысячу. Но если в Японии поезда ежегодно перевозят 22,6 миллиарда человек, то в Германии всего 1,6 миллиарда. На душу населения там приходится в десять раз меньше пассажиро-перевозок. Причина – превращение Японии в царство суперэкспрессов.

Вспоминаю Токийскую олимпиаду 1964 года. Первый связанный с ней рекорд был зарегистрирован еще до открытия игр. Между Токио и Осака – а этот маршрут аналогичен для японца путешествию из Петербурга в Москву – начал курсировать “поезд-пуля”. Расстояние в 518 километров он стал преодолевать не за 5-6 часов, а вдвое скорее. Сейчас на это уходит 130 минут. Линия, названная “Синкансэн” – Новая колея – была потом продлена до Фукуоки на юге и до Ниигаты на севере. В связи с зимними олимпийскими играми скоростную ветку проложили и к Нагано. Общая протяженность линий “Синкансэн” приближается к 2500 километров.

После Токийской олимпиады японские суперэкспрессы долго были чемпионами мира. Лишь в 80-х годах во Франции появились более быстрые поезда. Но японцы заканчивают испытание поезда на магнитной подушке, который сможет развивать рекордную скорость до 550 километров в час. Нет сомнения, что опыт создателей “Синкансэн” сможет во многом пригодиться при модернизации Транссибирской магистрали. Как царство суперэкспрессов, Япония могла бы помочь России и Китаю возродить идею Великого шелкового пути между Атлантикой и Тихим океаном, что стало бы залогом процветания наших соседних государств в 21-м веке.

3. На информационной автостраде: Японии вновь приходится догонять Запад

“ВЕТКА САКУРЫ” ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Всеволод Овчинников

Когда я попал в Японию после долгого перерыва, меня больше всего поразила одна уличная сцена. Старшеклассницы гурьбой возвращались из школы. Причем те, что шли в последних рядах, переговаривались с первыми по сотовым телефонам.

Живя в Токио, убедился, что это не случайный эпизод. Мобильник в руке – такая же примета школьной моды, как спускающиеся нелепыми складками от колен белые чулки. Именно молодежь, и прежде всего подростки, составляют в Японии категорию людей, чаще всего пользующихся сотовой связью. Среди них этот показатель составляет 64 процента – против 12 процентов в США.

К удивлению специалистов по маркетингу, дотошно изучающих запросы каждой возрастной группы, оказалось, что именно сотовый телефон стал для японских подростков главной статьей расходов. Они тратят на него четверть своих карманных денег – больше, чем на компакт-диски, компьютерные игры и иллюстрированные журналы, которые еще недавно доминировали в подростковом бюджете.

– Без своего мобильного я теперь не могу прожить и дня, – говорит восьмиклассница Наоми, с которой я разговорился в метро. – До гимназии я добираюсь больше часа, и могу болтать с подругами, пока еду. А главное, знакомые могут звонить по вечерам прямо в мою комнату. Им не надо просить родителей позвонить к трубке, объяснять, кто и о чем хочет со мной говорить...

При этом я со вздохом вспомнил свои молодые годы, когда отнюдь не у каждой московской девушки был телефон, да и тот чаще всего висел в коридоре коммунальной квартиры. Наоми рассказала, что теперь при знакомстве юноши и девушки на пару минут обмениваются мобильниками, чтобы ввести в их память свои имена и номера телефонов. В телефонном аппарате Наоми значатся около трехсот знакомых. И по их числу подруги негласно соревнуются друг с другом.

Думаю, что ажиотажный спрос на мобильные телефоны, охвативший Японию – в 1993 году их было 2 миллиона, в 1995 – 10 миллионов, в 2000 – около 50 миллионов – в немалой степени объясняется особенностями японского характера. С одной стороны, образ жизни японцев, их традиционная мораль заставляют человека быть застенчивым, как бы носить маску. А с другой – рождает чувство одиночества, жажду общения, стремление ощутить причастность к некому кругу людей.

Еще на рубеже 90-х годов Япония была полностью телефонизирована – 44 абонента на каждые 100 жителей. Число аппаратов сравнялось с количеством семей, и дальнейший рост телефонной сети прекратился. Но теперь в стране уже больше мобильных, чем стационарных телефонов. Да и квартирный аппарат стал совершеннее. Десять самых нужных номеров набираются одним нажатием кнопки, сто – хранятся в памяти. Каждая пятая японская семья обзавелась автоответчиком и факсом. По факсимильной связи ведется деловая переписка. Правда, теперь у нее появился соперник – электронная почта.

В новое тысячелетие – с Интернетом. Под таким лозунгом японское правительство ведет кампанию, цель которой – поднять количество пользователей Интернетом до 30 процентов населения. Руководит ею генеральный директор Агентства экономического планирования Сокая – фигура мне хорошо знакомая. Тридцать лет назад именно он планировал всемирную выставку ЭКСПО-70 в Осака, которая стала зеркалом послевоенного японского экономического чуда.

По данным министерства почты и телеграфа, в 2000 году в Японии насчитывалось 15 миллионов пользователей Интернета. По их доле – 12 процентов населения – Страна восходящего солнца занимает ныне лишь тринадцатое место в мире. В Швеции, Канаде, США этот показатель превышает 40 процентов. Объясняется это прежде всего тем, что в США половина семей имеют персональные компьютеры, тогда как в Японии – лишь третья часть. Во-вторых, иероглифическая письменность затрудняет пользование клавиатурой компьютера. Наконец, подключение к всемирной паутине стоит в Японии гораздо дороже, чем в Северной Америке и Западной Европе. В результате выходит: к всемирным компьютерным сетям подключено 87 процентов американских и только 58 процентов японских офисов.

На беду для Японии, Интернет получил бурное распространение в 90-х годах. Как раз тогда ее экономику парализовал затяжной спад, совпавший с небывало длительным подъемом деловой активности в Соединенных Штатах. В результате Япония оказалась на обочине информационной революции, утратила только что обретенное ею положение мирового лидера, которое она ценой самоотверженных усилий завоевала в 50-х – 80-х годах. Именно поэтому японцы с горечью называют 90-е годы “потерянным десятилетием”.

Впрочем, японцы не раз подтверждали свою способность догонять, быстро совершенствоваться и внедрять в массовое производство технологии, созданные в других странах. Япония быстрее других стран перешла из века пара в век электричества. В 1909 году у нее было электрифицировано лишь 5 процентов промышленного производства против 10 процентов в США. Однако всего десять лет спустя на электрический привод было переведено более половины японских цехов и только третья часть американских.

После Второй мировой войны благодаря массовой закупке иностранных лицензий и патентов, умению быстро поставить на поток выпуск продукции для экспорта Япония буквально заполонила мировые рынки своей бытовой электротехникой и автомашинами – более дешевыми и качественными, чем у западных конкурентов. Пока Северная Америка и Западная Европа лидировали в фундаментальных науках и высоких технологиях, Япония шла впереди всех по части практического применения

“ВЕТКА САКУРЫ” ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Всеволод Овчинников

чужих открытий и изобретений. Однако после перехода от старой экономики, основанной на производстве, к новой экономике, основанной на информации, прежняя стратегия уже не годится.

Чтобы вновь догнать Запад, Японии придется искать новые пути. Интернет стал главным каналом деловых контактов. Электронная коммерция требует знания английского языка. А тут японцы, увы, не сильны – они делят с северокорейцами последние места среди всех народов Азии. В середине 90-х годов при кабинете министров был создан центр по развитию передовых телекоммуникаций. Выделяются средства на создание компьютерных сетей. Намечено поднять кабельное телевидение до американского уровня, перевести его на цифровое вещание.

При этом решено делать главный упор не на персональный компьютер, а на сотовый телефон. Уже более пяти миллионов японцев имеют мобильники с прямым выходом в Интернет. Через свой аппарат они могут принимать и отправлять сообщения по электронной почте, совершать банковские операции, заключать сделки в сети электронной торговли и даже рассчитываться за проезд по платным автострадам, не тратя время в очередях перед терминалами.

Итак, Стране восходящего солнца снова приходится догонять Запад, раньше ее устремившийся в век информатики и кибернетики. Японцы, как и прежде, ищут новые пути, пытаются применить в новых целях уже имеющиеся преимущества. Например, как уже говорилось, использовать для выхода в Интернет не персональные компьютеры, которых у них пока меньше, чем у американцев, а сотовые телефоны, с которыми дело обстоит наоборот.

Другая область японского лидерства – роботостроение. Страна восходящего солнца вот уже тридцать лет широко применяет роботы в производстве. На ее долю приходится почти 60 процентов действующих в мире промышленных роботов. Практически безлюдные цехи японских автозаводов выглядят как сцены из научно-фантастического романа. Самые трудные для людей операции, например, сварка кузовов, с безукоризненной точностью выполняют не знающие ни усталости, ни понедельничного похмелья роботы.

Кибернетика почему-то особенно близка сердцу японских ученых и инженеров. В то время как их американские коллеги сделали ставку на информационные технологии, японцы изобрели тамаготи – виртуальное существо, привлекающее человека лишь тем, что о нем надо постоянно проявлять заботу.

Огромный коммерческий успех имела новинка концерна Сони – собачка Айбо. Этот робот-щенок поворачивает голову на зов, виляет хвостом перед хозяином и лает на чужих. Он был выставлен на продажу в Токио по цене около 2500 долларов. Причем 3000 таких игрушек разошлись за двадцать минут. 2000 собачек Айбо были за четыре дня проданы на Западном побережье США, правда, большинство покупателей и там составили японцы.

Если щенок Айбо восхищает как чудо кибернетики, то владелец котенка Тама подчас вообще забывает, что его любимец – робот. Он ласкается к хозяину, мурлычет, закрывая глаза, но способен и выпускать когти. Кибер-котенок, созданный корпорацией Омрон, не только развлекает детей, но и скрашивает одиночество престарелых.

Автор котенка Тама – инженер Таканори Сибата сначала работал над промышленными роботами. Но теперь стал энтузиастом нового направления.

– Я хочу, чтобы роботы вошли в быт людей, стали их спутниками и друзьями...

Воплощением этой мечты может служить медвежонок Кума, созданный концерном Мацусита. Это робот-сиделка, предназначенный присматривать за одинокими стариками и быть связующим звеном между ними и ближайшей поликлиникой.

Когда 77-летняя пенсионерка Кадзуко Томияма выходит из спальни, она слышит голос медвежонка Кума:

– Доброе утро. Не забудь, что сегодня в 11 часов тебе идти к врачу. Оденься потеплее – на улице 13 градусов.

За этим следует принятый у японцев обмен приветственными фразами. Причем каждый диалог записывается на пленку и передается на пульт местного собеса. Если владелец не отвечает на реплики робота, в ближайшей поликлинике звучит сигнал тревоги и на место выезжает бригада скорой помощи.

– Меня всегда пугала судьба моего одинокого соседа, который умер у себя дома, а люди узнали об этом лишь две недели спустя, – говорит Кадзуко Томияма. – Теперь, под присмотром медвежонка, я спокойна. Приятно, что он помогает в доме – зажигает свет, включает кондиционер, а попросишь – и телевизор.

По мнению инженера Сибата, емкость рынка домашних роботов может составить в Японии 10 миллиардов долларов – а это вдвое больше, чем нынешний рынок промышленных роботов. Так что игрушки вроде щенка Айбо, котенка Тама и медвежонка Кума это отнюдь не пустяк. Да и технологии, нужные для их изготовления, двигают Японию вперед, в век информатики и кибернетики.

4. Выживет ли “второе сословие”

“ВЕТКА САКУРЫ” ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Всеволод Овчинников

В Японии не перестаешь поражаться поистине немыслимым для россиян ценам. Арифметически все пересчитывается просто. Если доллар – это 108 иен или 27 рублей, нужно разделить местную цену на четыре, чтобы получить эквивалент в рублях. Но вот увидел в супермаркете пятикилограммовый пакет риса за 3000 иен. Стало быть по 600 иен или по 150 рублей за килограмм!

Яблоко за 50 рублей, десяток яиц за 70, или банка пива за 80 рублей – это еще куда ни шло. Но ведь в Стране восходящего солнца рис – продукт наипервейшей необходимости. Утром японец крошит в вареный рис сушеные водоросли и заливает супом из моллюсков. На работу берет с собой “бэнто” – плоскую коробочку с рисом, кусочком рыбы с солеными овощами. Вернувшись домой, ест что-нибудь поплотнее, но опять же с рисом, а потом укладывается спать на татами из рисовой соломы и задвигает перегородки, оклеенные рисовой бумагой.

Словом, рис всему голова. Не будет преувеличением назвать его не только основой японского быта, но и ключевым фактором формирования национального характера. История японской цивилизации практически не знала ни охоты, ни скотоводства. Ее истоком явилось поливное земледелие. Точнее говоря – выращивание поливного риса на уступчатых террасах, разбитых по склонам холмов.

Создать и поддерживать в порядке такую систему орошения для монокультуры, не требующей севооборота – дело непосильное для одной крестьянской семьи. Здесь требуется совместный труд сельской общины. Присущий японцам дух коллективизма, готовность ставить общее благо выше личных интересов, верность группе, с которой они связали свою трудовую жизнь – все эти черты японской природы коренятся именно в рисоводстве.

В феодальные времена крестьяне были вторым сословием. По своему положению в обществе они уступали лишь самураям. Ниже стояли ремесленники, а на последней ступени – торговцы и ростовщики. Сам император поныне почитается первым из земледельцев и каждый год засекает крохотное поле возле своего дворца, чтобы осенью возблагодарить небо собственноручно выращенным зерном.

Еще тридцать лет назад я писал в “Ветке сакуры” о том, что в условиях послевоенного экономического бума “второе сословие” оказалось под угрозой. Из-за индустриализации и роста городов сельские районы обезлюдели, земледелие стало “занятием дедушек и бабушек”. Потребление риса сократилось вдвое. Зато японцы стали есть гораздо больше мяса и молока. А поскольку выращивать корма для скота и птицы в Японии негде, приходится импортировать кормовую кукурузу и сою.

После капитуляции Страна восходящего солнца лишилась колоний – Кореи и Тайваня, которые были рисовыми житницами империи. Поэтому по настоянию оккупационных властей правительство принялось убеждать японцев есть американскую пшеницу (начиная с бесплатных булочек в школьных завтраках). В результате хлеб и макаронные изделия вклинились в традиционный рацион.

Хотя сельское население за последние тридцать лет сократилось с 13 до 3 миллионов человек, Страна восходящего солнца по-прежнему полностью обеспечивает себя отечественным рисом (ежегодные сборы которого стабилизировались на уровне 10 млн. тонн), но в дополнение к этому ввозит около 5 млн. тонн пшеницы, а также 20 млн. тонн кукурузы и сои.

По урожайности риса – 63 центнера с гектара – Япония занимает третье место в мире после Испании и Южной Кореи. Однако себестоимость здешнего риса очень высока. Большинство японских земледельцев имеют наделы примерно в полтора гектара и лишь на равнинах северного острова Хоккайдо – вдесятеро больше. Поэтому конкурировать с крупным, поставленным на индустриальную основу зерновым производством американских или канадских фермеров они не могут.

Чтобы защитить отечественных рисоводов, правительство контрактует весь урожай по рентальной для крестьян цене и продает его потребителям даже несколько дешевле. Тем не менее, 600 иен за килограмм – это примерно втрое дороже, чем привык платить американец, не говоря уже о нашем брате. Но поскольку дневной заработок токийца адекватен месячному заработку москвича, у жителей японской столицы цена риса не вызывает шока.

Зарубежные экономисты не раз советовали Японии учесть ограниченность ее посевных площадей и перейти от риса к более доходным культурам. Скажем, по примеру Израиля выращивать под пленкой клубнику или дыни, а нужное стране зерно приобретать на мировом рынке. Однако в данном вопросе Токио руководствуется не коммерческой выгодой, а прежде всего соображениями продовольственной безопасности.

А тут за последние три десятилетия произошли изменения, которые не могут не настораживать страну, расположенную на изолированных островах, где рискованно полностью полагаться на импорт продовольствия. Если тридцать лет назад самообеспеченность Японии продовольствием составляла 73 процента, в том числе зерном 62 процента, то ныне эти цифры снизились соответственно до 41 и 28 процентов. Для сравнения – самообеспеченность зерном Соединенных Штатов – 138 процентов, Китая – 94 процента. В Токио расценили данную тенденцию как угрозу продовольственной безопасности и поставили цель к 2010 году поднять показатель самообеспеченности продовольствием до 50 процентов.

В сущности, Токио субсидирует сельскохозяйственное производство, за что подвергается резкой критике со стороны Запада. Под нажимом Всемирной торговой организации Япония увеличила квоту на импорт риса до 8 процентов своего потребления, но ввела тариф по 3 доллара на каждый килограмм,

“ВЕТКА САКУРЫ” ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Всеволод Овчинников

чтобы снизить его конкурентоспособность. Впрочем, не хуже других барьеров японский рис защищает его несравненное качество.

Тем не менее неограниченный импорт более дешевого продовольствия из-за рубежа мог бы разорить отечественных земледельцев. Однако в правительстве своевременно рассудили, что прекращать и возобновлять производство зерна нельзя словно поворотом крана. Если со сцены уйдет последнее поколение рисоводов, вернуться к самообеспеченности зерном при чрезвычайных обстоятельствах страна уже не сможет. Поэтому правительство продолжает защищать земледельцев, дабы решать ключевую задачу сельского хозяйства – в достатке снабжать японцев главной продовольственной культурой – рисом.

Превратившись во вторую индустриальную державу мира, Япония уже не может следовать девизу предков – “земледелие - основа государства”. Сельское хозяйство дает ныне менее двух процентов валового внутреннего продукта. Однако в абсолютных цифрах это свыше 80 млрд долларов, что отнюдь немало для сектора экономики, где занято всего 5 процентов рабочей силы. О полной самообеспеченности рисом уже говорилось. Кроме того, три миллиона крестьян на 80 процентов снабжают страну овощами, наполовину фруктами и мясом, а местные рыбаки дают почти две трети потребляемых морепродуктов.

Итак, “второе сословие” сумело выжить несмотря на индустриализацию и урбанизацию, по-прежнему оставаясь кормильцем жителей Страны восходящего солнца. Но в традиционном японском рационе за последние полвека произошли существенные перемены, ибо изменился сам образ жизни.

Во-первых, подавляющее большинство сельского населения стало жителями городов, точнее – горожанами из пригородов, которые добираются на работу и обратно в электричках. Во-вторых, электрификация быта неизмеримо облегчила бремя японской домохозяйки. Первый шаг к этому сделал Коносукэ Мацусита, основатель одноименного концерна. Он внедрил в быт автоматическую рисоварку, которая подарила женщине лишних два часа сна. Прежде ей надо было затемно раздувать веером древесный уголь в очаге. Ныне же можно с вечера засыпать по мерке рис, залить воду, поставить таймер на нужное время, и будильник возвестит, что завтрак готов.

Появление холодильников и морозильников избавило женщин от необходимости каждый день ходить за продуктами. Теперь супруги обычно делают это вместе в выходные дни. Тем более, что стало гораздо больше семей, где работают по найму как муж, так и жена. Денег в семейном бюджете теперь больше, но времени заниматься домашними делами меньше. Поэтому в моду вошли различные полуфабрикаты. К примеру, только лапши быстрого приготовления в Японии за год расходится 6 миллиардов пакетов.

Распространение микроволновых печей совершило еще один переворот в японском быту. Появились целые супермаркеты, где тысячи различных блюд в вакуумной упаковке разложены в одноразовые тарелки. Остается подобрать себе меню, разогреть кушанья в микроволновке, съесть их, а потом вместо того, чтобы мыть посуду, бросить ее в мусорную урну.

Народ в целом стал питаться лучше, разнообразнее. И это положительно сказалось на здоровье нации. Средняя продолжительность жизни увеличилась почти на тридцать лет. Но есть и минусы. Достоинства японской диеты складывались из трех главных компонентов – много морепродуктов, много овощей, много растительных жиров. В результате японцы почти не знали сердечно-сосудистых заболеваний. Теперь, когда они стали чаще есть гамбургеры, пирожные, увлекаться “быстрой пищей”, содержащей консерванты, местные врачи заговорили о холестериновых бляшках и атеросклерозе.

Такова уж, видно, диалектика прогресса. Но плюсы, пожалуй, все же перевешивают. Ведь среди ныне здравствующих жителей Страны восходящего солнца тринадцать тысяч человек родились еще в девятнадцатом веке.

5. Женщина в кимоно на пороге 21-го века

В центре Токио, на главном перекрестке Гиндзы установлено электронное табло с надписью “до 21-го века осталось столько-то дней”. Тут всегда многолюдно. Для жителей столицы это удобное место встреч. А с недавних пор сюда стали приезжать фотографироваться молодожены.

Невеста в кимоно, позирующая на фоне зримого рубежа веков и тысячелетий – этот образ врезается в душу, дает повод для размышлений и сопоставлений. Какой будет судьба японской женщины в следующем веке? Тридцать лет назад я привел в “Ветке сакуры” исторический факт, который может служить иллюстрацией роли женщины в японском обществе.

Когда много столетий назад в древней японской столице – Киото возводили храм Хонгандзи, строителям оказалось не под силу поднять гигантские стволы вековых деревьев. Тогда сорок тысяч японских девушек остригли свои косы и сплели из них канат невиданной дотоле прочности. С его помощью восемьдесят опорных столбов были установлены, поперечные стропила подняты и закреплены.

Сорок тысяч японок, что помогли возвести храм Хонгандзи – одно из крупнейших в мире деревянных

“ВЕТКА САКУРЫ” ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Всеволод Овчинников

сооружений – стали легендой. Но справедливо ли оценивают современники тяжесть, которую поднимают в Японии сорок миллионов женских рук в наши дни? Этот вопрос, который я когда-то задавал в своей книге, остается риторическим и по сей день.

Три десятилетия назад средняя зарплата женщин в Японии едва достигала половины мужской. Таким это соотношение и поныне остается в частном секторе, где заняты три четверти рабочей силы – 28 миллионов мужчин и 17 миллионов женщин. И лишь благодаря государственному сектору, где принцип равного вознаграждения за равный труд соблюдается более последовательно, средняя зарплата женщин в стране достигла к рубежу веков шестидесяти процентов мужской. Прогресс, прямо скажем, не ахти какой.

Именно в условиях послевоенного экономического бума 50-х – 80-х годов нанимателям удалось использовать в своекорыстных целях специфику трудовых отношений в Стране восходящего солнца, дабы лишить женщин надбавок за стаж, возможностей продвижения по службе, привязать их к самым низким ставкам оплаты труда.

“Секретным оружием” электротехнических концернов, благодаря которым Япония прославилась как “царство транзисторов”, совершила в 60-х годах первый успешный прорыв на мировые рынки, стали девичьи руки. Молодые крестьянки хлынули тогда из сел в города, чтобы за 5-7 лет скопить себе приданое. Ведь со свадьбой у японцев связаны самые большие в жизни расходы (если не считать похорон). Временно наниматься на текстильные фабрики у сельских девушек вошло в традицию еще с начала века. Этим и объяснялась дешевизна японских тканей, наводнивших Азию в предвоенные годы.

Обычай работать лишь до замужества, в сочетании с японской системой платить при найме крайне низкую ставку и увеличивать ее со стажем, делали девичьи руки наиболее прибыльными для нанимателей. К тому же молодую крестьянку было легко уговорить даже эти деньги почти целиком оставлять в кассе предприятия взамен за место в общежитии и питание в заводской столовой. Достаточно подписать такой контракт, и через 5-7 лет ей была гарантирована необходимая для приданого сумма.

Массовый приток сельской молодежи в города иссяк в Японии уже в 70-х годах. Девушек из городских семей тоже старались нанимать лишь до свадьбы. Когда же, вырастив до школьного возраста детей, они снова приходили работать на предприятия и в учреждения, их брали лишь как “временных” или “внештатных” сотрудниц, с очевидной целью – привязать женщин к низкому заработку, не дать им возможности сделать служебную карьеру.

С 90-х годов стали все отчетливее сказываться последствия неуклонного снижения рождаемости при росте средней продолжительности жизни. Японское общество стало стремительно стареть. Растущий спрос на рабочую силу перечеркнул традицию, когда женщин было принято нанимать лишь до замужества. Он побуждает домохозяйек идти работать, а предпринимателей – улучшать условия найма женщин.

Если 30 лет назад среди работавших женщин было всего 32 процента замужних, то ныне их доля расширилась до 57 процентов. Желающих работать гораздо больше. Но главное, что мешает японкам сочетать работу с семейными, прежде всего – с материнскими делами, это особенности здешней корпоративной культуры. Так уж повелось, что почти никто не уходит домой в положенное время. Сотрудники подолгу засиживаются на работе или участвуют в совместных попойках за фирменный или казенный счет. А детские учреждения действуют лишь с 8 до 18 часов. Нанять же кого-то присматривать за детьми по вечерам стоит 20 долларов в час, плюс оплата проезда в оба конца (хоть сам нанимайся!).

Примечательно, что закон о равных возможностях для мужчин и женщин при найме на работу и продвижении по службе вступил в силу лишь после более чем десятилетних проволочек. Со стороны многих парламентариев звучали возражения, что он разрушит японское общество, его семейные устои. Пережитки феодального домостроя сказываются и поныне. Доля женщин на управленческих постах в бизнесе составляет в Японии всего 8 процентов против 33 процентов в Англии и 44 процентов в США.

Еще хуже, чем в деловом мире, положение в мире политическом. По числу женщин в парламенте, местных органах представительной власти и на руководящих постах в госаппарате Япония занимает 38 место среди 102 обследованных ООН государств. Женщинам принадлежит лишь 5 процентов мандатов в палате представителей и 17 процентов в палате советников, два губернаторских поста (в Осаке и Кумамото), шесть женщин являются мэрами городов.

Совет по проблеме равноправия мужчин и женщин направил доклад премьер-министру. В нем, в частности, предлагается установить квоты для женщин на руководящих постах в государственном аппарате, перестроить систему налогообложения, пенсионного обеспечения и медицинского страхования с семейной на личную основу, а также предоставить женщинам право после вступления в брак сохранять прежнюю фамилию, дабы облегчить юридическую защиту их прав при семейных конфликтах. Однако сомнительно, что подобные идеи получают поддержку в парламенте и правительстве, ибо Япония пока еще остается “мужским царством”.

Еще задолго до того, как в моду вошло слово “глобализация”, бывалые люди говорили, что лучше всего иметь американскую зарплату, английский дом, китайского повара и японскую жену. Образ мадам Баттерфляй, созданный французским писателем Лоти и итальянским композитором Пуччини, надолго утвердил стереотип представлений о японках как о существах паразитально женственных, безраз-

“ВЕТКА САКУРЫ” ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Всеволод Овчинников

дельно преданных и неизменно покорных.

Мнение о японках, как о современных Чио-Чио сан, всегда было идеализированным – даже у иностранцев, годами живущих в Японии, не говоря уже о мимолетных туристах. Насмотревшись, как жена хозяина соседнего дома по утрам с низким поклоном провожает мужа до порога, какие почести каждый день оказывают главе семьи за семейным столом, с какой готовностью поддакивает представительница прекрасного пола своему спутнику, как спешит она наполнить его бокал пивом или сакэ, можно подумать, что японские женщины – само воплощение покорности мужчине.

В действительности же это не так. Даже в феодальные времена отношения в семье строились по такому же принципу, что и в государстве. С фасада все как положено, а за кулисами совсем иначе. Подобно тому, как за императоров веками фактически управляли их военачальники – сёгуны, реальной властью в доме, семейным кошельком неизменно обладала женщина. Хотя все положенные почести воздавались при этом номинальному главе семьи – мужчине.

Как шутят современные японцы, муж думает о важных вопросах – кто выиграет чемпионат по бейсболу, кого выберут президентом США. Ну, а на долю жены остаются мелкие, второстепенные дела – какой купить холодильник, куда поехать на “золотой неделе”, когда в мае бывает пять выходных подряд.

За тридцать лет со времени выхода “Ветки сакуры” выросло совершенно новое поколение японских женщин. Они образованы не хуже, чем мужчины, хорошо зарабатывают, так что экономически независимы как от родителей, так и от мужа. И когда им приходится делать выбор между карьерой или семьей, чаще жертвуют вторым ради первого.

Эту несколько эгоистичную, отрицающую старое представление о семейном долге молодежь, называют “поколением кенгуру”. Подобно детенышам австралийского животного, эти девушки не спешат покидать материнский карман, то есть родительский дом. Плохо ли бесплатно иметь свою комнату, есть завтрак и ужин, приготовленные заботливыми родительскими руками, а 3000 долларов своей зарплаты целиком тратить на наряды, зарубежные поездки, увлечения серфингом или горными лыжами?

Удивительно ли, что средний возраст вступления в брак у нынешнего поколения японок близок к 27 годам, почти половина тридцатилетних не замужем? А показатель рождаемости (число детей у женщин детородного возраста) упал ниже цифры 1,4, хотя для воспроизводства населения требуется 2,2.

Еще тридцать лет назад большинство браков в Японии заключались по сватовству, ибо выбор спутника жизни считался делом не столько личным, сколько родовым, семейным. Как жених, так и невеста были вправе отвергнуть кандидатуру, предложенную родителями, но все же прислушивались к их советам. Теперь по сватовству заключается лишь десятая часть браков. Увеличилось количество их расторжения по инициативе жены. За год регистрируется 230 тысяч разводов. Это меньше, чем в США или Англии, но втрое больше, чем в таких католических странах, как Италия или Ирландия.

Поскольку Япония – “царство групп”, семья остается там главной ячейкой общества. Однако состав ее существенно изменился. Конфуцианский девиз “три поколения под одной крышей” ушел в прошлое. Молодожены предпочитают жить отдельно от родителей. Среди 45 миллионов семей по 11 миллионов составляют одиночки и пары, в 15 миллионах по 3-4 человека, и лишь в 8 миллионах по 5-6 человек.

Словом, теперь типичная японская семья – это муж и жена, которые оба ходят на работу и растят одного, реже двух детей. Лишь недавно в Стране восходящего солнца заговорили о таком понятии, как неоплаченный домашний труд. Оказалось, что на долю японской жены его приходится в семь раз больше, чем на долю мужа (лишь 30 минут). В других развитых странах женщины тратят на домашние дела лишь вдвое больше времени, нежели мужчины.

Итак, Чио-Чио сан 2000 года существенно продвинулась по пути к равноправию. Но выразилось это не в том, что она стала “женщиной с кувалдой”. Она не научилась быть церемонно женственной в кимоно, однако умеет не хуже мужчин управляться с таким капризным существом, как компьютер.

6. Почему детей начинают учить еще в материнской утробе

Не так давно в Японии обрела огромный коммерческий успех идея: развивать интеллект будущего ребенка еще в материнской утробе. Под диктовку инструкторов беременные женщины хором декламируют некие тексты, устно решают арифметические задачи. Зачем же нужно торопить природу? На подобный вопрос родители отвечают: чтобы дать ребенку преимущество перед сверстниками, как только он с первых лет жизни окунется в водоворот “экзаменационного ада”.

Эта своеобразная черта японской действительности требует пояснения. Здешняя мораль издавна возводит в число главных добродетелей не только труд, но и учение. По конфуцианской традиции, сформировавшей духовную культуру Восточной Азии, именно образованность человека служит главным рычагом, способным возвысить его положение в обществе.

При системе пожизненного найма, которая утвердилась в послевоенной Японии, продвижение по службе зависит, во-первых, от образования, а во-вторых, от стажа. Так что выпускники школ и выпускники вузов оказываются словно перед различными эскалаторами, которые движутся с неодинаковой скоростью и поднимают на различные этажи.

“ВЕТКА САКУРЫ” ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Всеволод Овчинников

Японская система народного образования построена по формуле: “6 - 3 - 3 - 4” (шесть лет – начальная школа, по три года – средняя школа первой и второй ступени, четыре года – вуз). После девятилетнего всеобщего обязательного образования, в возрасте 15 лет, закон разрешает начинать трудовую жизнь. Однако если тридцать лет назад после девятого класса шли работать около половины подростков, то теперь среднюю школу второй ступени предпочитают кончать почти все. Втрое выросло за это время и число желающих получить высшее образование. Экзамены в вузы хотят сдавать уже не 13, а 44 процента выпускников школ. Стало быть, соответственно обострилась и конкуренция между абитуриентами.

Все больше людей хотят стать студентами, ибо карьера японца напрямую зависит от уровня образования, с которым он начинает трудовой путь. При этом очень важную роль играет не диплом сам по себе, а какой именно вуз человек окончил. Различие между людьми со средним и с высшим образованием дополняется неофициальной, но общепризнанной градацией престижности учебных заведений. Самым элитарным считается Токийский университет. Его выпускники занимают ключевые посты в политическом мире и в большом бизнесе.

Наиболее престижные министерства и частные корпорации пополняют свой персонал выпускниками первокурсников университетов. Ранг вуза предопределяет как угол восхождения японца по служебной лестнице, так и уровень его личных связей на всю остальную жизнь. Поэтому дети именитых родителей предпочитают пересдавать вступительные экзамены, скажем, в Токийский университет, по три – пять лет подряд, чем идти во второкурсный вуз и оказаться потом на эскалаторе, который вовсе не доходит до верхних этажей.

Тут и коренятся причины так называемого “экзаменационного ада”. Чуть ли не с младенческого возраста японцу приходится вступать в отчаянное соперничество со своими сверстниками. Дело в том, что определенные преимущества при поступлении в первокурсные вузы дают первокурсные средние школы или гимназии. Но чтобы попасть в них, надо тоже пройти трудный конкурс.

Так, расходясь кругами, экзаменационная лихорадка докатилась до начальных школ, а затем и до детских садов, где тоже выявились более предпочтительные. Возникли дошкольные учреждения, предназначенные готовить к состязанию со сверстниками детей в возрасте от пяти лет до одного года. А на подобном фоне закономерно пошли разговоры о развитии интеллекта младенца в утробе матери.

Многоступенчатая лестница конкурсных экзаменов породила разветвленную сеть репетиторства в виде платных подготовительных курсов или частных индивидуальных уроков. Эта теневая система народного образования получила название “дзюку” и стала большим бизнесом. Разного рода дополнительные занятия посещают не только 80 процентов учащихся 10–12 классов, которые готовятся к вузовским конкурсам, но и 60 процентов учащихся 1–9 классов, желающих поступить в лучшие гимназии.

Средняя японская семья тратит на образование детей (преимущественно на репетиторство) четверть своего бюджета, или немногим меньше, чем на питание. Так что сравнительно невысокие расходы на народное образование, которыми Япония выделяется среди стран большой восьмерки, щедро дополняются за счет родительских сбережений.

Не говоря уже о финансовом бремени для семейных бюджетов, система “дзюку” создает непосильную физическую нагрузку на детей. Они находятся в школе с 8 утра до 3 дня, с 6 до 9 вечера занимаются в “дзюку”, а потом до полуночи выполняют домашние задания как для школьных учителей, так и для репетиторов.

Но беда не только в том, что “экзаменационный ад” довел Страну восходящего солнца до попыток учить детей раньше, чем они появятся на свет. Еще хуже, чем кризис формы, оказался кризис содержания народного просвещения. Слово “образование” состоит в японском языке из двух иероглифов: “кё” – поучать и “ику” – воспитывать. Теперь общественность заговорила о том, что на первое слишком упирали за счет второго.

Вот уже в третий раз – как в 1868 и 1945 годах – Страна восходящего солнца переживает переломный момент в своей истории. Первый перелом совершил император Мэйдзи, которого соотечественники сравнивают с Петром Великим. Его реформы положили конец периоду полной изоляции от внешнего мира и поставили Японию на путь модернизации под девизом “западная техника – восточный дух”.

Второй перелом произошел после разгрома японского милитаризма. Тогда удалось удачно провести конверсию централизованного военно-промышленного комплекса, правильно выбрать наиболее перспективные отрасли для экспортно-ориентированного производства и превратить Японию во вторую экономическую сверхдержаву мира. К концу 80-х годов была достигнута цель, служившая национальной идеей для послевоенных поколений японцев: доказать, что они ни в чем не уступают тем, кто победил их во Второй мировой войне.

В последнее десятилетие уходящего века Япония вновь оказалась на перепутье. Ее “секретное оружие”, важное слагаемое успеха послевоенного экономического чуда: семейственность, патриархальность в трудовых и деловых отношениях (за что японцы называют свою страну “кадзоку-кокка” – государство-семья) – все это оказалось устаревшим в постиндустриальном обществе.

“ВЕТКА САКУРЫ” ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Всеволод Овчинников

Промышленная революция середины 18-го века в Англии изменила не только способ производства, но и образ жизни людей, характер их взаимоотношений, систему ценностей. Такие же принципиальные сдвиги сулит и информационно-технологическая революция на рубеже 21-го века. Именно в силу своей самобытности Япония ощущает это особенно остро. Новая национальная цель – превратиться из “царства групп” в “царство личностей” – стала безотлагательной необходимостью. И вот на нынешнем, третьем крутом вираже японской истории, под перекрестным огнем критики оказалось именно то, чем Страна восходящего солнца привыкла гордиться: народное образование.

Его стержнем, как уже отмечалось, служит экзаменационная система, основанная на конфуцианских принципах отбора чиновников в древнем Китае. Суть ее – приучать людей запоминать, а не размышлять, поступать как принято, а не искать самостоятельных решений, следовать традициям, а не ломать их. Такое народное образование отвечало запросам массового серийного производства, когда требовалась горстка умных генералов и армия послушных им рядовых.

Но вот пришла эпоха информационных технологий. А Интернет – инструмент сугубо индивидуальной. Японский метод принятия решений на основе анонимного общего согласия с ним плохо сочетается. Ключом к успеху служит теперь личная творческая инициатива. Коллективизм, который в 50-х – 80-х годах был для Японии источником силы, ныне стал причиной ее слабости. Теперь молодежи требуется уже не столько “кё” – поучения, сколько “ику” – воспитание, прежде всего воспитание самостоятельности.

Пожалуй, самым наглядным воплощением недостатков японского народного образования может служить то, что среди ученых Страны восходящего солнца лишь шесть Нобелевских лауреатов, тогда как в США их более полутора.

– Чтобы преуспеть в американском обществе, человек должен выявить какой-то присущий именно ему талант и настойчиво развивать, совершенствовать его. В Японии же слишком мало уважается личная творческая инициатива, нет состязательности при ее раскрытии. От массового производства усредненно образованных специалистов нам пора переходить к отбору и воспитанию интеллектуальной элиты, – говорит физик Лео Эсаки, лауреат Нобелевской премии 1973 года.

До сих пор не только школьников, но и студентов побуждали лишь запоминать то, что написано в учебниках или сказано на занятиях. Задачей народного образования было вырастить образцовых японцев, способных ставить общий успех выше личных амбиций. Как метко заметил мне в Токио американский коллега, если на Западе взрослеть значит становиться более независимым, то у японцев происходило как раз наоборот.

По поручению покойного премьер-министра Обути группа лучших умов страны в начале этого года представила на рассмотрение правительства свой доклад “Японское видение 21-го века”. Документ призывает воспитывать у молодежи дух новаторства, видеть в разнообразии источник силы.

Среди самых сенсационных рекомендаций доклада – придать английскому статус второго государственного языка, дублировать на нем все официальные документы. Авторы “Японского видения 21-го века” с горечью констатируют, что по владению английским, который фактически стал языком Интернета, японцы стоят на одном из последних мест в мире.

В 21-м веке предлагается приватизировать преподавание английского в рамках радикальной реформы японского народного образования. Она имеет в виду на 40 процентов сократить общеобязательную программу и перейти на трехдневную школьную неделю. Учащиеся должны будут посещать школу по понедельникам, средам и пятницам. А на высвободившиеся бюджетные средства детям будут раздавать ваучеры, чтобы по вторникам и четвергам они могли по своему выбору посещать дополнительные частные курсы по изучению английского языка, а также других предметов то ли с физико-математическим, то ли с гуманитарным уклоном.

Система “дзюку” тем самым получит официальный статус, будет частично финансироваться государством. Народное образование станет более диверсифицированным, способным гибче реагировать на меняющиеся запросы. Уменьшится финансовое бремя для семейных бюджетов, физическая нагрузка на школьников.

Народное образование всегда было в Японии наиболее эффективным каналом распространения того, что принято называть национальной идеей. А поскольку нынче поставлена цель превратить “царство групп” в “царство личностей”, так, наверное, будет и на сей раз.

7. “Серебряный век” третьего тысячелетия

В международный лексикон вошли несколько японских слов, которые не нуждаются в переводе. Например: кимоно, гейша, самурай. Куда меньше известно за пределами Страны восходящего солнца, да и почти забыто в ней самой, слово “убасутэ”, хотя оно обозначает старинный обычай, не менее жестокий, чем харакири. Со средних веков в бедных селениях по желанию обессилевших стариков им устраивали нечто вроде прижизненных похорон. После торжественного ритуала прощания с родственниками и соседями их на руках уносили в горы и оставляли там умирать в одиночестве. О

“ВЕТКА САКУРЫ” ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Всеволод Овчинников

зловещем термине “убасутэ” вдруг вспомнили в наши дни – слава богу, в переносном смысле – в связи с тем, что одинокая старость стала болезненной проблемой.

В области статистики Японии принадлежит немало мировых рекордов. На пороге третьего тысячелетия к ним добавился еще один. Среди жителей Страны восходящего солнца одиннадцать тысяч женщин и две тысячи мужчин перешагнули столетний рубеж. То есть они родились еще в 19-м веке, а доживут до 21-го. Старшей из японских прабабушек из города Кагосима исполнилось 113 лет.

Япония прочно удерживает другой мировой рекорд: по средней продолжительности жизни. Она составляет 84 года для женщин и 77 лет для мужчин. И как раз на 2000 год пришелся важный сдвиг в демографической структуре нации. Количество пожилых людей в возрасте старше 65 лет впервые превысило число детей и подростков до 15 лет. К первой категории ныне относится 21 миллион человек, ко второй – 19 миллионов, или соответственно 17 и 15 процентов населения.

Япония, стало быть, превращается в самую седую страну мира. Причем негативные последствия этого процесса усугубляются еще двумя факторами: падением рождаемости и разрушением патриархальной семьи, следовавшей конфуцианскому принципу “три поколения под одной крышей”.

По данным ООН, а ее демографические прогнозы обычно надежнее каких-либо других, к 2050 году население Японии сократится с 127 до 103 миллионов человек. Причем в каждой третьей из них есть кто-то старше 65 лет. В том числе 4 миллиона семей представляют собой престарелые пары в упомянутом возрасте, а 2,7 миллиона – одинокие старики. Более миллиона из них нуждаются в уходе на дому, а треть миллиона – лежачие больные.

Даже если заглядывать вперед не на половину, а лишь на четверть века, очевидны опасные результаты изменения возрастной структуры нации. Если ныне к категории людей старше 65 лет относится каждый шестой японец, то в 2025 году таковым будет каждый четвертый. Стало быть, на каждого пенсионера будет уже не пятеро, а всего двое работающих. Поэтому отчисления в пенсионный фонд придется увеличивать в два с лишним раза против нынешних.

Где взять деньги, чтобы система социального обеспечения выдержала резко возросшую нагрузку? Ведь увеличить налоги – значит подорвать конкурентоспособность японских товаров, спровоцировать бегство капиталов за рубеж. Еще при покойном премьер-министре Обути был создан экспертный совет с задачей разработать новый механизм социального обеспечения в 21-м веке, имея в виду пенсии, медицинское обслуживание, уход за немощными стариками. Совет рекомендовал, прежде всего, расширить круг людей, которые несли бы это возросшее бремя; во-вторых, убедить “состоятельных пенсионеров” взять на себя посильную долю расходов; в-третьих, повысить эффективность использования бюджетных ассигнований на социальные нужды.

Все эти три рекомендации вызвали в японском обществе настроения, очень характерные для современной России: утрату веры в завтрашний день. Это породило у людей, прежде всего у пожилых, стремление не тратить деньги, а откладывать их на случай, если пенсии будут урезаны, а налоги увеличены. Результатом стало падение потребительского спроса, что мешает вывести экономику из застывшего застоя.

Средневековый обычай “убасутэ” сложился в бедных японских селениях потому, что немощные старики становились для семьи бременем, обузой прежде всего в материальном смысле. Ныне же проблема одинокой старости болезненна по другим причинам. В финансовом отношении пожилые люди отнюдь не бедствуют. За последние тридцать лет они впервые стали экономически вполне самостоятельны, независимы от детей. И обычно имеют в своем распоряжении даже больше денег, чем следующее поколение.

Примечательная особенность Страны восходящего солнца состоит в том, что ее граждане остаются “трудоголиками” и в преклонном возрасте. Продолжают работать 75 процентов пенсионеров в возрасте 60-65 лет. (В США аналогичный показатель – 54, в Германии – 29 процентов).

Что может заставить пенсионера по-прежнему вставать по будильнику и на весь день куда-то уезжать? Тут могут быть две причины: либо ему не хватает денег, чтобы прожить; либо дома ему некуда себя девать, нечем заняться. Данные о личных сбережениях японцев свидетельствуют, что первая из названных версий отпадает.

– В Америке люди с годами становятся расточительнее, в Японии же – наоборот, – разводит руками вашингтонский коллега.

Японские пенсионеры расходуют в год лишь 13 процентов своих сбережений. А они на протяжении всей своей трудовой жизни откладывают на будущее вдвое большую долю доходов, чем американцы или немцы. И вот оказывается, что на долю людей старше 65 лет приходится 38 процентов всех личных сбережений японцев.

Вроде бы выкупили дом, дали образование детям. Пришло время пожить для себя, поездить по свету, коли средства для этого есть. Но инерция бережливости дает о себе знать. На днях разговорился с семейной парой. Господину Судзуки 62 года, жене – 58. Всю жизнь был государственным служащим. Ушел на пенсию с банковским счетом в 320 тысяч долларов. Но уже два года живет с женой на пенсию в 2800 долларов. Сбережения стараются не тратить. Во-первых, если пенсии снизят, а налоги увеличат, то сбережений при нынешнем уровне цен хватит лишь лет на десять, а пенсионный возраст длится

“ВЕТКА САКУРЫ” ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Всеволод Овчинников

теперь в два с лишним раза дольше. Во-вторых, родители беспокоятся за сына, которому 31 год. Он женат, имеет двух детей, недавно купил в рассрочку квартиру в многоэтажном доме. Работает в солидной фирме. Но теперь все чаще говорят о сокращениях. Вдруг сын потеряет работу? Ведь если не сделать вовремя очередной взнос, молодая семья останется без жилья...

Сейчас у специалистов по маркетингу главная цель – заставить раскошелиться прижимистых пенсионеров с солидными банковскими счетами. Вместо того, чтобы делать главную ставку на молодежь, универмаги отвели целые этажи для товаров, ориентированных на “солидных дам”. Железные дороги продают за полцены абонементы из четырех обратных билетов – два для пенсионеров, два для детей, чтобы дедушки и бабушки с внуками могли совершать увеселительные поездки.

Итак, если прежде японцы уходили на пенсию, чтобы доживать еще лет пять – семь, то теперь перед ними открыта перспектива прожить как бы вторую жизнь длиной примерно в четверть века. По заключению Японской медицинской ассоциации, пожилым людям нужны для счастья четыре условия: быть здоровыми, экономически независимыми, ощущать внимание близких, иметь занятие по душе.

Что касается здоровья, то наивысшая в мире продолжительность жизни говорит сама за себя. И тут сказывается национальная диета (упор на овощи, морепродукты, растительные жиры) в сочетании с традиционным образом жизни (умение быть близким к природе, чутко реагировать на смену времен года). Насчет экономической независимости речь уже шла. А вот с вниманием близких дело обстоит хуже, что и стало сутью проблемы одинокой старости. Прежде, как и в России, главным занятием японских стариков было нянчить внуков. Теперь же в семьях, где женщины работают полный день, лишь четверть детей дошкольного возраста остаются под присмотром дедушек и бабушек, а остальных отдают в детские сады.

Три четверти пожилых пар живут отдельно от детей и внуков, и по количеству одиноких стариков Япония догоняет Англию. Если один из супругов умирает, а другой не в состоянии обслуживать себя, то оплатить место в доме для престарелых одной лишь пенсии не хватит (тариф достигает 150 долларов в день). Да и японские похороны невероятно дороги, что также побуждает стариков с оглядкой расходовать свои сбережения.

Наконец, четвертый элемент стариковского счастья – занятие по душе. Тут Япония особенно отстала от других развитых стран. Если американец или немец при выходе на пенсию имеет хороший дом в предместье, может с пользой для здоровья полдня возиться в саду, а потом заседать в каком-нибудь общинном комитете или благотворительном обществе, то качество жизни японца, даже при номинально высокой пенсии, не идет ни в какое сравнение с Западом, даже с Россией. Проще говоря, сидеть с утра до вечера в “кроличьей норе”, как называют тут люди свои жилища, мало удовольствия. А различного рода деятельность на общественных началах пока еще находится в зародыше. Поэтому так много пенсионеров продолжают работать.

Сейчас в стране открыто 1300 “Центров серебряных трудовых ресурсов”. Они подбирают для пожилых посильные рабочие места. Наиболее распространенные занятия – быть репетитором, реферировать книги или научные журналы, ухаживать за садом, вести видеосъемку на свадьбах. 63-летняя Сэцую Цутя из Осаки работает консультантом на похоронах, получает 60 долларов за церемонию. Однако именно из-за того, что пенсионеры продолжают ездить на работу, люди старше 65 лет чаще всего становятся жертвами дорожно-транспортных катастроф: быстро ходить не могут, видят и слышат плохо. Поэтому их часто сбивают поезда на переездах, автомашины на улицах.

Огромной популярностью в Японии пользуется ассоциация “Вторая жизнь”. Там есть школы бальных танцев, кружки чайной церемонии и икэбана, курсы иностранных языков. Все это дает поводы для встреч и общих увлечений. Именно пенсионеры были главными телезрителями уроков русского языка на канале Эн-Эйч-Кей, для чего приглашали дикторов из Москвы. Оказалось, впрочем, что большинство отважилось изучать столь трудный язык не ради укрепления уз добрососедства, а по совету врачей как профилактическое средство от старческого маразма.

Так что при всех негативных последствиях изменения возрастной структуры и семейного уклада, “вторая жизнь” для 21 миллиона пенсионеров является безусловным достижением послевоенной Японии.

Начало 20-го столетия называют в русском искусстве “серебряным веком”. Век 21-й будет для Японии тоже “серебряным”, только в демографическом смысле. Впрочем, старение нации присуще не только Стране восходящего солнца. Так что из ее опыта, как отрицательного, так и положительного, можно извлечь полезные уроки.

8. Каково жить на спине дракона

Некогда бог Идзанаги вонзил с неба копьё в морскую пучину. Затем он выдернул обратно свое богатырское оружие. И с копья упала вереница капель, образовав изогнутую цепь островов. Когда глядишь на Японию с самолета, вспоминаешь древнюю легенду о сотворении страны и думаешь о том, что эти окаменевшие капли еще не остыли. Японцам приходится жить словно на вздрагивающей

“ВЕТКА САКУРЫ” ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Всеволод Овчинников

спине, которую выставил из океана гигантский дракон. Землетрясения тут не редкая трагическая случайность, а скорее нечто неизбежное, как жара летом или холод зимой.

Около шести часов утра 17 января 1995 года центральная часть Японии содрогнулась от подземного толчка силой 7,2 балла. В полуторамиллионном городе Кобэ разом погибли 6430 жителей, более 43 тысяч были ранены, 317 тысяч человек остались без крова.

Стихийные бедствия в Японии не редкость. Но на сей раз общественность страны была потрясена тем, сколь значительную часть жертв составили старики, прежде всего – одинокие. Катастрофическое землетрясение впервые произошло в крупном городе с ослабленными общинными связями и возросшей долей пожилого населения.

Нежданная беда как бы высветила болезненные проблемы Японии. Почти не осталось больших семей с тремя поколениями под одной крышей. Ушла в прошлое патриархальная община, где соседи привыкли жить на виду друг у друга. Поэтому обитатели обрушившихся многоэтажных домов зачастую не знали, кого и где надо искать под обломками.

Землетрясение выявило просчеты конструкторов и недоделки строителей: рухнули автомобильные эстакады, обвалились стенки портовых причалов, считавшиеся сейсмоустойчивыми. Но еще больше встревожили страну последствия разобщенности людей в современном японском обществе.

Поэтому десятилетняя программа “Феникс” ставит задачу не только вернуть к жизни разрушенный землетрясением Кобэ, но и сделать японские города более устойчивыми к стихийным бедствиям, использовать общенациональную волну сочувствия к пострадавшим, дабы возродить, приумножить и закрепить чувство общественной солидарности, которое было традиционно присуще народу, вынужденному “жить на спине дракона”.

Первыми на место катастрофы прибыли подразделения японских сил самообороны. Все они проходят специальную подготовку по оказанию помощи населению при стихийных бедствиях. К военнослужащим, начавшим спасательные работы и расчистку завалов, уже на второй день присоединились добровольцы, начавшие съезжаться со всех концов страны. Только за 1995 год они безвозмездно отработали в Кобэ почти полтора миллиона человеко-дней. Практически каждая японская семья оказала материальную поддержку пострадавшим. В фонд экстренной помощи было собрано 1,8 миллиарда долларов.

Первой заботой было обеспечить горячей пищей население парализованного катастрофой города, оборудовать 1153 временных укрытия для 317 тысяч жителей рухнувших домов. Людей размещали на ночлег в уцелевших школах, разбивали палатки в парках. Через неделю после землетрясения в городе возобновилась подача электроэнергии, через два месяца – воды и газа. В апреле 1995 года вновь заработали железные дороги, в сентябре 1996 – автострады, в марте 1997 был полностью восстановлен крупнейший в стране порт.

К январю 2000 года все пострадавшие семьи переселились из временных жилищ в постоянные. Разборные бараки отправили жертвам землетрясений в Турции и на Тайване. Вывезенные с помощью добровольцев 20 миллионов тонн обломков были использованы при создании насыпных островов в портовой зоне.

– Мы выполнили лишь начальную часть задачи, – говорит мне директор созданного в Кобэ мемориального комплекса “Феникс плаза” господин Ниситаки. – Главное – извлечь уроки на будущее. То есть, во-первых, создать надежные автономные системы аварийного жизнеобеспечения японских городов, а, во-вторых, воспитать людей, способных использовать их в чрезвычайных ситуациях. Страна должна использовать опыт Кобэ, чтобы научиться преодолевать последствия природных катастроф, столь частых в Японии...

Именно с этой целью и создан мемориальный комплекс “Феникс плаза”, который ежегодно посещают более 500 тысяч человек. Приезжающие отовсюду работники муниципалитетов слушают тут лекции об основах управления в чрезвычайных ситуациях. Студенты жертвуют каникулами, чтобы пройти курсы добровольцев-спасателей. Школьников, приезжающих на экскурсии, учат помогать немощным в случае беды. А любой турист, насмотревшийся и страшных, и трогательных сцен на стендах и видеозэкранах, увозит домой брошюру-памятку о том, что должна подготовить на случай бедствия каждая семья: лопату, лом, огнетушитель, портативный радиоприемник, электрический фонарик, аптечку, трехдневный запас воды и пищи.

“Феникс плаза” координирует практическое решение общенациональной задачи: создать на уровне местных общин добровольные аварийные дружины с четким распределением обязанностей и необходимым материальным оснащением. Низовой ячейкой возрождаемых общинных связей становится школьная зона. В японских городах начальные школы размещены так, чтобы ребенок мог пешком дойти от дома до класса за 10-15 минут. Стало быть, сеть их достаточно густа. А в немыслимой тесноте здешних населенных пунктов школьная спортплощадка и актовый зал являются наиболее подходящими местами для экстренной эвакуации людей. В каждой школьной зоне создается центр социальной поддержки, а также пункт первой медицинской помощи.

Итак, цель десятилетки “Феникс” – не просто возродить разрушенный город, но при этом преобразить его. Если прежде упор делался на эффективность и рост, то теперь на безопасность и качество

“ВЕТКА САКУРЫ” ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Всеволод Овчинников

жизни. Девиз программы: гармония человека и природы, человека и человека, человека и общества. Экологический подход определил стратегию перепланировки Кобэ, чтобы избежать чрезмерной индустриализации города. Многим крупным предприятиям, вроде металлургического комбината “Кобэ стил”, не разрешили восстанавливать свои производственные мощности на прежних местах. Им на льготных условиях предоставили другие участки, удаленные от города.

Очень хлопотливым делом оказалась перепланировка разрушенных жилых массивов, которые были застроены двухэтажными семейными домиками. Все горожане заинтересованы в том, чтобы расширить и выпрямить улицы и переулки, сделать на них тротуары для пешеходов. Но домовладельцев было трудно уговорить сдвинуть хоть на метр границы своих участков. В конце концов баланс интересов почти всегда достигался.

Волею судьбы Кобэ стал испытательным полигоном новых принципов градостроительства. Помимо уже упоминавшихся мер с целью преодолеть отчужденность людей, возродить чувство общественной солидарности (создание добровольческих дружин, аварийных складов и медпунктов, зон экстренной эвакуации) впервые в Японии осуществлена идея компактного расселения великовозрастных горожан. Одиноким старикам, чьи жилища были разрушены землетрясением, за казенный счет построены 340 домов для престарелых с полным содержанием. Кроме того, в возрожденных районах Кобэ возведены 3900 “серебряных кварталов” – многоэтажных жилых комплексов для пенсионеров с централизованной системой социальной и медицинской помощи.

В Японии очень серьезно относятся к воспитанию у народа готовности к ударам стихии. Ежегодно 1 сентября премьер-министр по традиции включает сигнал учебной тревоги, оповещающий о бедствии, равном по силе Великому землетрясению 1923 года, во время которого погибло 140 тысяч жителей Токио и его окрестностей. После этого вся страна от членов правительства до школьников-первоклассников принимает участие в общенациональных учениях.

Теперь благодаря компьютерному моделированию можно с немалой долей достоверности оценить последствия подобной беды, а также эффективность мер с целью уменьшить наносимый ею ущерб. Оказалось, что при землетрясении силой в 7,2 балла число погибших в Токио может составить 7200 человек, раненых – 158 тысяч человек. Обрушатся 43 тысячи зданий, будут серьезно повреждены еще примерно 100 тысяч. Возникнет более 800 крупных пожаров.

А возможность повторения крупных землетрясений весьма вероятна. 6 октября 2000 года, когда я уже находился в Токио, стул подо мной вдруг заходил ходуном, оконные стекла задрожали, словно от близкого взрыва. Как местный старожил, я проворно водрузил на голову подушку и встал под дверной косяк. К счастью, все утихло.

Оказалось, что землетрясение в 7,3 балла (то есть даже более сильное, чем в Кобэ) произошло в тот день в малонаселенной гористой префектуре Тоттори. Были разрушены свыше 2000 крестьянских домов, но, к счастью, обошлось без человеческих жертв. Как шутят местные жители, выручило соседство с Сибирью: на западном, обращенном к России, побережье Японии зимой выпадают глубокие снега, поэтому в селах строят дома с легкими крышами и прочными стропилами, так что обрушившихся перекрытий и погибших под ними людей не было.

Сейчас дома в зоне бедствия помечены разноцветными флажками. Зеленый цвет означает, что каркас здания не пострадал, и оно безопасно для жилья. Желтый – что здесь требуется ремонт. А красный – что дом может рухнуть и входить в него нельзя. Четыреста добровольцев помогают местным жителям чинить крыши. А триста человек, оставшихся без крова, живут в школьных зданиях, превращенных в эвакуационные центры.

Во время поездки на родину японского жемчуга, узнал из теленовостей, что по прогнозам сейсмологов в префектуре Миэ (то есть именно там, где я находился) выявилась 80-процентная вероятность крупного землетрясения. После этого красоты Внутреннего моря, где Микимото когда-то вырастил свои первые жемчужины, сразу как-то померкли, и я без сожаления вернулся в Токио. Хотя восьмой этаж жилого дома Российского торгпредства, которое меня приютило, вряд ли самое безопасное место на вздрагивающей спине дракона, имя которому Япония.

9. “Великие стройки эпохи застоя”

В Японии то и дело слышишь, что девяностые годы оказались для страны “потерянным десятилетием”. Вроде бы уверенно шли в мировые лидеры, и вот пришлось вновь уступить первенство американцам. Небывало длительный подъем экономической конъюнктуры в США совпал с небывало длительным спадом в Японии. Если в 60-х – 70-х годах прирост валового внутреннего продукта Страны восходящего солнца измерялся двузначными цифрами, то в 90-х годах этот показатель составлял чуть более полутора процентов. Производственный потенциал сохранился. Но беда в том, что в Японии резко упал потребительский спрос. Утратив уверенность в завтрашнем дне, люди предпочитают не тратить, а сберегать заработанные деньги.

Впрочем, все относительно. В том числе и переживаемая Японией “эпоха застоя”. Я думал об этом

“ВЕТКА САКУРЫ” ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Всеволод Овчинников

всякий раз, когда видел в Токио очереди у стоянок такси (хотя поездка в лимузине стоит 25-30 долларов), или предновогодний ажиотаж в универсамах, где еще более длинные очереди японцев выбирали типовые подарочные наборы по 50-100 долларов каждый и оформляли их почтовую доставку на 20-30 адресов родственников и сослуживцев.

Для страны, которая ежегодно производит товаров и услуг на четыре с лишним триллиона долларов, даже полупроцентный рост в абсолютных цифрах означает более 60 миллиардов долларов. Так что, нам бы их заботы! Кроме того, с целью стимулировать деловую активность, правительство ежегодно выделяет из бюджета огромные средства на общественные работы, прежде всего на совершенствование транспортной инфраструктуры. Благодаря этому 90-е годы обогатили страну многими выдающимися сооружениями, которыми японцы вправе гордиться. Об этих “великих стройках эпохи застоя” мне и хочется рассказать.

Япония, как известно, расположена на четырех больших островах. Главный из них – Хонсю – уже давно соединен железнодорожными туннелями с Кюсю на юге и Хоккайдо на севере. А вот на Сикоку людей и грузы до недавних пор доставляли только паромы. Это была наиболее изолированная часть страны, целиком сохранявшая традиционный уклад жизни. Не случайно свою книгу “Ветка сакуры” я начал 30 лет назад с описания постоянного двора в тамошнем рыбацком поселке.

И вот с конца 80-х до конца 90-х годов на Сикоку через Внутреннее море было переброшено целых три мостовых перехода. Мне довелось подробно осмотреть один из них – самый длинный в мире подвесной вантовый мост Акаси-Авадзи. Это поистине чудо инженерного искусства. Священный остров Авадзи, по преданию сотворенный раньше всех других, отделен от Хонсю четырехкилометровым проливом. Над ним поднялись две пары мачт, каждая высотой с токийскую телебашню – почти 300 метров. Прогнувшиеся изящными дугами тросы держат центральный пролет шириной в 1991 метр.

Именно этот показатель делает мост Акаси-Авадзи чемпионом мира среди аналогичных сооружений. Второе место принадлежит новостройке в Дании (1624 метра), третье – в Англии, четвертое – в Китае, и лишь на седьмом месте оказался знаменитый мост Голден-гейт в Сан-Франциско, построенный еще в 1937 году.

Дугообразные тросы между стальными мачтами и бетонными анкерами на берегах имеют толщину более метра и состоят из 240 металлических жил. Опоры мачт заглублены в морское дно на 65 метров, фундаменты береговых анкеров еще толще. Под мостом каждый день свободно проходят полторы тысячи океанских судов, ибо он возвышается над водой на 65 метров.

Когда познакомишься со сложностью технических задач, решенных строителями, плата за проезд по мосту Акаси-Авадзи (25 долларов с легковой автомашины) уже не кажется непомерно высокой. К сожалению, транспортные потоки через пролив оказались меньше запланированных и вложенные средства могут не окупиться в срок. Тем не менее мост Акаси-Авадзи останется в Японии достойным напоминанием о последнем десятилетии двадцатого века.

Другая великая стройка носит интернациональное название “Аквалайн”. Это туннель и мост общей протяженностью в 14 километров между противоположными берегами Токийского залива. Такой путь связал напрямую промышленный центр Кавасаки близ столицы и город Кисарадзу на полуострове Босо. (Вдоль берега приходилось ездить более 80 километров). Пара туннелей с двухрядным движением в каждую сторону проложены под Токийским заливом вплоть до искусственного острова “Морской светлячок”, насыпанного в пяти километрах от Кисарадзу. Таким образом, автомобильные потоки скрыты под морским дном, дабы не мешать интенсивному судоходству в прилегающей к столице части залива.

А от острова “Морской светлячок”, превращенного в туристский центр, до Кисарадзу протянулся мост. На его сооружение и проходку туннелей ушло 8 лет и почти 12 миллиардов долларов. Говорят, что на такие деньги вполне можно было бы создать мостовой переход через Берингов пролив из Евразии в Америку. Затрачены немалые средства, зато 25 тысяч автомашин ежедневно пересекают теперь Токийский залив кратчайшим путем, всего за 20 минут вместо прежних 2-3 часов.

Третья стройка, о которой пойдет речь – Международный аэропорт Кансай (так называется центральная часть Японии, примыкающая к городам Осака и Кобэ). Его первая очередь стоимостью в 15 миллиардов долларов действует с 1994 года. А мне довелось увидеть начало строительства второй очереди, которое обойдется примерно в такую же сумму. Астрономические цифры расходов объясняются тем, что Международный аэропорт Кансай сооружен на рукотворном острове площадью в 510 гектаров. Его за пять лет насыпали в Осацком заливе на удалении почти четырех километров от берега.

Задачу усложняла не только глубина залива (18-20 метров), но и рыхлое илистое дно. Поэтому прежде чем очертить остров прочной железобетонной дамбой, на всей площади аэропорта был проведен так называемый “песчаный дренаж”. Я смог воочию увидеть, как он делается на второй очереди строительства. Установки, похожие на нефтедобывающие платформы, опускают на морское дно словно гигантскую гребенку из стальных труб. Их загоняют на 20 метров в ил и закачивают внутрь песок. Потом трубы вытягивают обратно и в дне залива остаются словно песчаные сваи. По ним из илистого слоя выдавливается вода и грунт становится достаточно плотным.

“ВЕТКА САКУРЫ” ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Всеволод Овчинников

Эту титаническую работу проделали метр за метром на первых 510 гектарах рукотворной суши, а теперь повторяют на 545 гектарах второй очереди. Лишь укрепив таким образом дно, можно возвести по периметру волнозащитную дамбу. А потом заставить море навсегда отступить, насыпав на дно Осацкого залива более ста миллионов кубометров грунта. Ради этого не только в окрестностях Осаки и Кобэ, но и на соседнем острове Авадзи экскаваторами были срезаны целые холмы.

Зачем же понадобилось тратить многие миллиарды долларов, чтобы создавать в Осацком заливе искусственные острова? Дело не только в том, что на Тихоокеанском побережье Японии попросту негде ступить. Из-за того, что к аэропортам здесь вплотную подступают населенные пункты, взлетно-посадочные полосы запрещено использовать в ночные часы. Международный аэропорт Кансай первым в стране стал функционировать круглосуточно.

Четырехкилометровый двухъярусный мост (шесть рядов для автомашин сверху, две железнодорожные колеи снизу) напомнил мне Большой Уханьский мост через Янцзы в Китае. Когда едешь, он кажется бесконечным. Широкий морской пролив служит для аэропорта хорошей зоной отчуждения. Полоса длиной 3500 метров ныне обеспечивает 120 тысяч взлетов и посадок ежегодно. Однако уже к 2003 году будут исчерпаны ее предельные возможности: 160 тысяч.

Поэтому начаты работы по сооружению второй очереди Международного аэропорта Кансай. Рядом с освоенным прямоугольным островом предстоит насыпать другой, на котором будут еще две взлетные полосы. Тогда годовое количество взлетов и посадок можно будет увеличить до 230 тысяч. (А за каждый прилет сюда с “Боинга-747” берут почти 10 тысяч долларов).

Сейчас на морской глади угадывается контур второго участка рукотворной суши. Поставлена временная перемычка, чтобы защитить Осацкий залив от загрязнения. Все работы ведутся при строгом соблюдении экологических стандартов. Строительство второй очереди должно быть завершено в 2007 году. К 2012 Международный аэропорт Кансай станет рентабельным, а к 2024 году расходы по его сооружению должны окупиться.

О грандиозных масштабах и высокой эффективности работ по созданию рукотворной суши можно судить и на примере Кобэ, где городская территория в последние годы расширена за счет моря почти на одну десятую. В частности, в портовой зоне еще до землетрясения 1995 года насыпаны два острова: Порт-лэнд и Рокко-айлэнд.

Чтобы доставлять туда грунт, был сооружен гигантский конвейер длиной в пятнадцать километров. Это вереница движущихся лент ежедневно перемещала от соседних гор до залива 80 тысяч кубометров породы. Ее насыпали в саморазгружающиеся баржи, у которых распахивается дно. Чтобы создать два острова площадью в 820 и 580 гектаров, пришлось покрыть дно залива слоем земли толщиной в 160 метров. Три года рукотворная суша вела себя хорошо, но во время землетрясения разом осела на метр. К счастью очень равномерно, так что ни здания, ни дорожные эстакады не пострадали.

Ныне первая очередь освоения острова Порт-лэнд завершена. Это прекрасный городской район с прямыми озелененными улицами, высотными зданиями и благоустроенными жилыми массивами – этакие японские Черемушки. Благодаря новым островам, Кобэ закрепил за собой положение крупнейшего в Японии порта по обороту контейнеров.

“Великие стройки эпохи застоя” навсегда останутся в облике Японии яркими приметами своего времени. Искренне дивясь этим чудесам инженерного искусства, я вспоминал услышанную когда-то в Амстердаме фразу: “Бог создал Землю, а голландцы – Голландию”. Думаю, что данный афоризм вполне может быть перефразирован в отношении трудолюбивых жителей Страны восходящего солнца.

Всеволод Овчинников ■

С любезного согласия автора эта работа размещена на сайте Общества “Россия-Япония” <http://russia-japan.nm.ru>, где с ней могут познакомиться все желающие. Общество “Россия-Япония” выражает Всеволоду Владимировичу Овчинникову искреннюю благодарность за это решение и желает ему новых успехов в творчестве. Общество “Россия-Япония”

Поступившие материалы **не рецензируются** и авторам **не возвращаются**.

Мнения в авторских материалах могут не совпадать с мнением Редколлегии.

При перепечатке **ссылка на Информационно-аналитический бюллетень обязательна**.

Распространяется **бесплатно**. **Периодичность**: один раз в два месяца.

© Депутатская группа по связям с парламентом Японии

Редколлегия: В.А.Буткеев, В.Н.Ерёмин, М.М.Задорнов, О.И.Казаков (отв.секретарь), Е.Н.Кручина

Адрес: Россия, 103265, Москва, Охотный ряд 1, депутату ГД РФ М.М.Задорнову

Тел. (095)292-1609, **факс** (095)292-9000, **e-mail** zadornov@duma.gov.ru